

Преподобный Сергей и его эпоха

Петрушко В. И.

Преподобный Сергей Радонежский и его влияние на развитие русского монашества в конце XIV – начале XV вв.

После Батыева нашествия русское монашество наряду со всем народом понесло тяжелейшие потери. Большинство монастырей Киевской Руси располагались в городах или неподалеку от них, что сделало их легкой добычей захватчиков и стало причиной их разгрома и разорения, сопровождавшегося истреблением насельников. Однако наиболее драматически на дальнейшем состоянии монашеской жизни сказалась не столько сама по себе гибель тысяч русских монахов, как то, что по этой причине оказалась прерванной внутренняя связь поколений, были нарушены сформировавшиеся в Киевской Руси традиции монашеской жизни.

Наверное, как ни в какой иной сфере духовной жизни, в монашестве важно преемство, необходима передача живого опыта подвижнической жизни от иноков, прошедших долгий путь монашеского делания, новоначальным. Разорение большинства древнерусских монастырей монголами и физическое истребление их насельников привело не только к тому, что на долгие годы (а иногда и навсегда) запустело множество известных в домонгольский период обителей, но и все русское монашество в целом оказалось на долгие годы в состоянии глубочайшего кризиса.

Почти на целое столетие оказались потерянными не только важнейшие навыки аскетической и молитвенной практики иноков, но и сами принципы, лежащие в основе монашества как особого феномена духовной жизни. После монгольского нашествия монашество в русском обществе зачастую стало рассматриваться не как особый путь христианской жизни, но как некое «второе крещение», освобождающее человека от ранее совершенных им грехов. По этой причине широкое распространение (особенно среди княжеско-

Влияние преп. Сергия Радонежского на развитие русского монашества

боярской элиты) получила практика предсмертного пострижения в монашество.

Помимо того, что оказалась утраченной традиция монашеского делания, сама эпоха, следовавшая за Батыевым нашествием, мало располагала к монашеской жизни. В любой момент можно было ожидать нового набега ордынцев, и как следствие, нового разорения обители, гибели или угона в ордынское рабство. Жизнь русских людей (и монахов в том числе) сводилась в эту эпоху, главным образом, к восстановлению разрушенного монголами и элементарному выживанию. Для отшельнического подвига и молитвенного созерцания где-нибудь в удаленных местах на окраинах Руси иноки этого смутного времени еще не созрели духовно.

Сведений о русских монастырях и монашествовавших второй половины XIII – первой половины XIV в. сохранилось ничтожно мало. Тем не менее, можно утверждать, что в это время на Руси практически полностью исчезли общежительные монастыри, которые всегда являлись основой подлинно подвижнической жизни – школой, в которой новоначальный инок получал базовые понятия о монашестве и формировал основные навыки молитвенно-аскетической практики. В первое столетие после Батыева нашествия на Руси преобладали особножительные обители. Поскольку большинство этих монастырей были городскими или пригородными, и к тому же являлись ктиторскими по своему характеру (княжескими или боярскими), обстановка в них мало способствовала аскетическим подвигам. Такие монастыри в большей степени рассматривались как родовые некрополи и места, где богатые постриженники могли тихо и мирно провести старость, встретить кончину и в дальнейшем рассчитывать на постоянную заупокойную молитву. Для поступления во многие такие обители необходимо было внести немалый вклад – земельный, денежный или же дорогими вещами.

Помимо ктиторских монастырей в рассматриваемую эпоху также существовали небольшие особножительные обители, которые возникали вокруг приходских храмов, когда рядом с ними строили свои кельи отдельные иноки. При этом близ церкви могли селиться как монахи, так и монахини, как правило, из числа небогатых горожан и крестьян. Со временем такая стихийно возникшая община все более упорядочивала свою деятельность и начинала принимать черты монастыря, который нередко мог быть «оптиным» – т.е. общим для насельников-мужчин и монахинь-женщин. Судя по названию, именно к такому типу монастырей первоначально принадлежала Оптина пустынь близ Козельска. К такого же рода монастырям относился на заре своего существования и Покровский

Хотьков монастырь, в котором в 1330-е гг. незадолго до своей кончины приняли монашеский постриг и впоследствии были погребены родители преп. Сергия Радонежского – преподобные Кирилл и Мария. В этой же обители начинал свой монашеский путь и овдовевший старший брат Сергия – Стефан.

«Оптины» монастыри, вероятно, могли возникать и иным образом: когда братия разоренного мужского монастыря находила приют в женской обители или, наоборот, инокини перебирались в уцелевший мужской монастырь. В трудные годы ордынского ига приходилось мириться с таким явлением, которое прежде, в домонгольские времена, едва ли было возможно.

И все же со времен Киевской Руси монашество стало для Русской Церкви стержнем церковной жизни, а представление о том, что «иноки – свет миру», во многом формировало религиозное сознание жителей средневековой Руси. Показательно, что даже несмотря на ставший результатом монгольского разгрома Руси упадок монашества, понимание того, сколь велико значение монастырей и иноков в духовной, нравственной, общественной и культурной жизни народа, продолжало сохраняться. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что при составлении русской редакции Кормчей книги в 1280-е гг. среди статей, дополнявших традиционные тексты канонического содержания, были помещены Студийский устав и другие материалы, посвященные монашеству, в том числе общежительному.

Необходимо было значительное время для того, чтобы после катастрофы монгольского завоевания возродить утраченную традицию монашеской жизни во всей ее полноте и глубине. На это ушло почти столетие: лишь в середине – второй половине XIV в. начинается стремительное и масштабное возрождение русского монашества, которое стало возможным, прежде всего, благодаря активной и целенаправленной деятельности св. митрополита Алексия и исключительному по своей силе и глубине молитвенно-аскетическому подвигу преп. Сергия Радонежского.

Преп. Сергий в глазах современников выглядел поистине Божьим избранником – он не имел какого-либо непосредственного учителя в своей монашеской жизни, которую строил на основании собственного осмысления монашеского подвига и проникновения в суть православной молитвенно-аскетической традиции. Поражает, как этот не оставивший после себя ни единой написанной строки монах стал для всего русского народа неким духовным камертоном, с которым сверял свои помыслы и поступки и стар, и млад, от великого князя до простого крестьянина.

Возрастание преп. Сергия Радонежского в монашеском подвиге началось в период митрополичьего правления св. Феогноста. Начало его аскетического пути было весьма необычно для русской монашеской традиции. Он начинает с отшельничества, хотя всегда считалось, что отшельничество и затвор – удел опытных иноков, уже прошедших первоначальный искуc в общежительных обителях. Для новоначальных такой путь полагали не просто трудным, но и опасным из-за высокой степени риска впасть в духовную прелесть. Однако в то время найти духовного наставника, чтобы под его началом пройти первые шаги на поприще монашеской жизни, Сергий просто не мог: ни опытных старцев, ни общежительных монастырей вокруг не было. Радонежскому подвижнику приходилось постигать науку монашеского делания самостоятельно, и в том, что он смог пройти этот путь, не оступившись, и совершить восхождение к вершине святости в одиночку, без поводыря, следует видеть подлинное чудо.

Нельзя не отметить еще один поразительный факт. Вскоре после начала подвижнической жизни отрока Варфоломея в Радонежских лесах им вместе с братом Стефаном на горе Маковец была построена церковь, которая была освящена по благословию митрополита Феогноста во имя Пресвятой Троицы¹. Житие преп. Сергия Радонежского², сообщает о том, что замысел освятить храм во имя Троицы был внушен Радонежским отшельникам свыше: «Не наше же се замышление, но Божие изволение, и прознаменование, и избрание, Богу тако изволшу»³.

Освящение храма во имя Троицы Живоначальной было в то время весьма необычно для Руси. Несмотря на то, что Троицкий догмат был сформулирован Церковью еще на Первом и Втором Вселенских Соборах, а христиане с древнейших времен отмечали день Пятидесятницы как праздник Сошествия Святого Духа на апостолов, последний не отмечался как праздник Троицы. Как следствие – ни Византия, ни Русь до XIV в. почти не имели храмов, освя-

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т.1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 308.

² Первоначальная редакция Жития преп. Сергия Радонежского была написана его учеником преп. Епифанием Премудрым около 1417-1418 гг. на основе ранее собранных им свидетельств о жизни Троицкого игумена. Текст Епифания был использован в середине XV в. прибывшим на Русь с Афона Пахомием Сербом (Пахомием Логофетом) для создания нового Сергиева жития, которое, в свою очередь, дошло до наших дней в четырех редакциях. Подробнее см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

³ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 307.

щенных во имя Пресвятой Троицы. На Руси едва ли не единственным Троицком храмом, построенным в домонгольскую эпоху, был собор, возведенный в Пскове*. Позднее христианами было более четко осознано, что в день Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на апостолов, человечеству в полноте было явлено откровение Бога-Троицы. На Руси утверждение такого понимания праздника Пятидесятницы-Троицы всецело связано с преп. Сергием Радонежским, который именно в учении о едином в Трех Лицах Боге, Который есть Любовь, основывал свою проповедь любви и единства, обращенную к русскому народу в ту судьбоносную эпоху, когда созидалась свободная и единая Святая Русь.

«Преподобный Сергий, основав свою монашескую общину, «поставил храм Троицы, как зеркало для собранных им в единожитие, дабы взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной раздельностью мира». Св. Сергий здесь вдохновлялся молитвой Христа и Его учеников «да будет едино яко же и мы». Его идеалом было преображение вселенной по образу и подобию Св. Троицы, то есть внутреннее объединение всех существ в Боге», – писал выдающийся русский философ Евгений Трубецкой⁴.

В сущности, ничего нового в богословии Сергий не предлагал – он просто акцентировал внимание именно на Троицком понимании Бога и предлагал своим ученикам, а вслед за ними и всему русскому народу, увидеть в учении о Троице не просто отвлеченный догмат, хотя и главнейший во всем христианском вероучении, но ту духовно-нравственную основу, на которой должна строиться вся жизнь православного человека, – единство, создаваемое любовью. Проповедуя Троицу Живоначальную и Нераздельную, Сергий тем самым благословлял соборность Руси и отвергал братоубийственную рознь и усобицы. Учение Радонежского игумена о Троице впоследствии нашло свое наиболее яркое зримое воплощение в иконе «Троица», написанной в память и похвалу преп. Сергию преподобным Андреем (Рублевым), для возведенного над мощами преп. Сергия Троицкого собора.

Перенеся множество искушений и трудностей и испытав себя, 23-летний Варфоломей решает принять монашеский постриг. Житие сообщает, что будущий преподобный был пострижен с име-

* Еще Троицкая надвратная церковь Киево-Печерского монастыря, построенная в начале XII века – *Прим. ред.*

⁴ *Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках / Три очерка о русской иконе. Париж, 1965. С. 20.*

Влияние преп. Сергия Радонежского на развитие русского монашества

нем Сергий⁵ неким игуменом Митрофаном⁶, о котором более ничего не известно (возможно, это был игумен Покровского Хотькова монастыря или же настоятель какого-то инога из окрестных монастырей или даже приходских храмов). Пострижение Варфоломея в монашество и рождение инока Сергия, событие, от которого, по сути, можно отсчитывать историю Троице-Сергиева монастыря, произошло в 1336 (или 1342) г.

После принятия монашества Сергий более двух лет продолжал подвизаться в полном одиночестве. Но постепенно к нему стали стекаться другие монахи, ищущие безмолвного созерцательного жития. Рядом с кельей Сергия появились жилища других иноков, которые в это время жили особенно жадно – каждый сам изыскивал себе пропитание и заботился о своем быте. Согласно житию, Сергий своими руками срубил кельи для некоторых пришедших к нему иноков: «Келиамъ же зиждемым и тыном ограженным, не зело пространнейшим, но и вратаря сущих ту у врат пристави, от них же сам Сергий трие или четыре келии сам своима рукама създа»⁷.

Однако если в своем быту иноки были равны и независимы друга от друга, то в духовной жизни они все же ориентировались на Сергия как на основоположника их формирующей обители. «И създаша себе кыйждо свою келию и живяху о Бозе, смотряще житиа преподобнаго Сергия и тому по силе равнообразующеся. Преподобный же Сергий, живой съ братиами, многы труды претръпеваше, и великы подвиги и поты посьтничьскаго житиа творяше»⁸, – сообщает житие преп. Сергия.

Будущий преподобный в это время еще продолжал терпеть сильные искушения: «И поне же младу ему суцу и крепку плотию, – бяше бо силенъ бывъ телом, могый за два человека, – диаволь же похотными стрелами хотя уязвити его. Преподобный же, очютивъ брань вражию, удръжа си тело и поработи е, обуздавъ постом; и тако благодатию Божию избавленъ бысть. Научи бо ся на бесовьския брани въоружатися: яко же бесове греховною стрелою устрелити хотяху, противу техъ преподобный чистотными стрелами стреляше, стреляющих на мраце правыа сердцемъ»⁹.

⁵ В честь св. мученика Сергия, пострадавшего за Христа вместе со своим другом и соратником св. Вахом около 300-305 г., при римском императоре Максимиане Геркулии.

⁶ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 309-310.

⁷ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 321.

⁸ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 320.

⁹ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 320.

Несмотря на огромный авторитет Сергия среди других монахов, его очевидное лидерство в новообразованной общине и первенство в избрании Маковца как места монашеского подвига, будущий преподобный долгое время не желал принимать игуменства над новым монастырем и сопряженного с настоятельской должностью священного сана. «Сам Сергий испрѣва не хотяше поставления презвитерска или игуменьства приати многога ради и конечнаго смирения»¹⁰ и «Ради смирения Сергий не хотяше поставления поповства или игуменьства възяти: глаголаше бо присно, яко зачало и корень есть санолюбиа еже хотети игуменьства»¹¹ – говорится в житии Радонежского чудотворца.

Возможно, что Сергий медлил с принятием игуменского посоха еще по одной причине. Судя по всему, уже на самом раннем этапе он стремился постепенно создать из стихийно собравшихся вокруг него на горе Маковец иноков общежительный монастырь и тем самым возродить эту иноческую традицию, угасшую в Русской Церкви после Батыева нашествия. В то же время Сергий понимал, что сделать это сразу будет очень сложно: на Руси уже успели основательно отвыкнуть от общежительного устава, и его возрождение могло обернуться конфликтами. Будущие события показали, что Сергий был прав, опасаясь скоропалительных шагов в направлении возобновления общего жития – даже с родным братом у него на этой почве произошел конфликт.

Тем не менее, Радонежский подвижник уже на заре существования Троицкой обители стал понемногу приучать иноков к общему житию, вводя в обиход его отдельные элементы. В частности, в монастыре изначально была обязательной общая молитва иноков, собираемых Сергием в Троицком храме. «Сиде живый съ братиами, аще и не поставленъ бысть въ прозвитеры, но велми с ними пристоаше церкви Божии. И по вся дни пояше съ братиями въ церкви и полунощницу, и заутренюю, и часове, и третий, и шестый, и девятый, и вечерню, и нефимонъ...». Поскольку ни Сергий, ни кто-либо из других монахов не имели священного сана, «на обедню призываше некоего чюжаго, попа суца саном или игумена сътарца, и того приимаше и повелеваше ему творити святую литургию»¹².

Как элемент общежительного монастырского уклада можно рассматривать и хозяйственную деятельность монахов Троицкой обители, которую они осуществляли общими усилиями. Иноки со-

¹⁰ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 320.

¹¹ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 321.

¹² Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 320.

вместно трудились на монастырском огороде, рубили дрова, носили воду и т.д. Сергей при этом подавал прочим монахам пример удивительного смирения и трудолюбия: «Без лености братиамъ яко купленный рабъ служаше: и дрова на всех, яко же речеся, сечаше; и тлъкущи жито, въ жръновех меляше, и хлебы печаше, и вариво варяше, и прочее брашно яже братиамъ на потребу устрааше; обувь же и порты краяше и шиаше; и от источника, сущаго ту, воду въ двю водоносу почръпаа на своем си раме на гору възношаше и ко муждо у келий поставляше»¹³. Такое поведение Сергия, очевидно, также должно было постепенно приучать монахов к общежительной традиции. Из приведенных слов жития можно заключить, что с этой же целью Сергий начал устраивать в обители совместные трапезы, для которых сам приготавливал угощение братии.

Когда монашеская жизнь на Маковце обрела более организованные и устоявшиеся формы, стало очевидно, что Троицкому монастырю необходим собственный игумен, способный руководить образовавшейся братией и регулярно совершать в монастырском храме богослужения. Братия упрашивали Сергия стать во главе иноческой общины, однако, сам он по-прежнему не хотел становиться настоятелем, считая себя недостойным игуменства. В 1354 г. он вместе с двумя другими монахами пришел пешком из своего монастыря в Переяславль-Залесский, где тогда находился Владимиро-Волынский епископ Афанасий, исполнявший обязанности местоблюстителя митрополичьего престола (к этому времени скончался св. митрополит Феогност, а св. Алексей отправился в Константинополь на поставление на Киевскую митрополию). Сергей просил Афанасия дать Троицкой обители игумена. Епископ же, наслышанный уже о подвигах Сергия настаивал на том, чтобы он сам принял священнический сан и игуменский посох. Житие Сергия сообщает, что он уступил настоянию архиерея только из послушания и смирения¹⁴.

После того, как Сергей стал игуменом, в обители поначалу сохранялся прежний образ монашеской жизни, в котором присутствовали лишь отдельные элементы общежительного уклада. Однако теперь Сергей был облечен игуменской властью и мог более решительно заняться усилением общежительного начала в жизни Троицкой братии, численность которой на тот момент составляла 12 иноков: «беаше братиа числом два на десяте мних кроме самого игумена, третиаго на десяте»¹⁵.

¹³ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 321.

¹⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 324-326.

¹⁵ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 328.

Сергиево житие сообщает, что в своей деятельности по дальнейшему развитию своего монастыря Радонежский подвижник «помышляше въ уме жития великих светиль, иже въ плоти живушеи на земли аггельскы пожиша, реку Антониа Великаго, и Великаго Еуфимиа, Саву Освященнаго, Пахомиа аггеловиднаго, Феодосиа общежителя и прочихъ»¹⁶. Как видно, особое внимание Сергия привлекали, в том числе, основоположники общежительной традиции в египетском монашестве IV в. – преп. Пахомий Великий и преп. Феодосий Великий. Устремление Сергия к введению в своей обители аналогичных принципов монашеской жизни видно и в том, что несмотря на поставление во игумена основатель Троицкого монастыря ни в малой степени не изменил своего прежнего смиренного образа жизни, продолжая оставаться для братии примером в труде и молитве: «Мала же некаа словесы глаголаше, наказаа братию, множайшаа же паче делесы сам образ бываше братии»¹⁷.

После принятия священного сана преподобный Сергей ежедневно совершал Божественную литургию, приготавливая своими руками все необходимое для богослужения: «Отнеле же поставленъ бысть въ игуменьство, по вся дни святаа литоргиа бываше, просфиры же сам печаше: преже бо пшеницу тлъчаше и меляше, и муку сеаше, и тесто мясаше и квасяше. Ти тако испекши просфиры, служаше Богу от своих праведных трудовъ, иному не дааше никому, аще и зело хотяху мнози от братиа пещи просфиры. Но преподобный тщашеся быти учитель и делатель: и кутию сам варяше, и свеци скаше, и каноны творяше»¹⁸.

В отношении Сергия к новоначальным инокам также видна тенденция к следованию общежительной традиции. Игумен принимал в Троицкий монастырь всех желающих монашеской жизни: «Еже всякому приходящему к нему и хотящему быти мниху, и желающему острицися, не отрешаше убо никого же, ни стара, ни уна, ни богата, ни убога; но всех приимаше съ усръдиемъ и с радостию»¹⁹. Однако при этом всякого новичка в обители на Маковце ожидало длительное испытание, которое предшествовало пострижению и было призвано проверить серьезность намерения принять монашество. «Но не ту абие постризаше его, но преже повелеваше ему облещися въ свиту длъгу еже от сукна черна и в ней преходити съ братиами время доволно, дондеже извыкнеше весь устрой мона-

¹⁶ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 327.

¹⁷ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 327.

¹⁸ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 330.

¹⁹ Цит. по: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 330.

стырьскы. Таче по сих облачяшет и въ мнишескую одежду, акы въ всех службах искушена; и остриг облачит и в манатию и клобукъ. А егда будяше съвръшенъ чрънецъ, житиемъ чистымъ искусень сый, и такового сподобляет приати святую схиму»²⁰, – говорится в житии преп. Сергия.

Сергий решительно порывает с обычаями особножительных монастырей и в вопросе обеспечения монахов всем необходимым для жизни в обители. Радонежский игумен, несмотря на крайнюю скудость Троицкого монастыря на начальном этапе его существования категорически запрещал своим монахам выходить за пределы своей обители в поисках милостыни. Это правило должно было неукоснительно исполняться даже в случае самого бедственного положения братии, которая временами попросту голодала. «Преподобный же Сергий всяку нужю ону, и тесноту, и всяку скудость, и недостатки тръпяше съ благодарениемъ, ожидаа от Бога богатя милости»²¹, – отмечается в Житии. Со временем в окрестностях монастыря поселилось множество крестьян, которые «начаша посещати и учащати в монастырь, приносяще многообразнаа и многообразнаа потребования»²². Только такие добровольные приношения Сергий разрешал принимать на нужды своей обители. Обращает на себя внимание, что категорический запрет нищенства и попрошайничества, предписанный Сергием Радонежским своим инокам-ученикам, резко контрастирует с принципами существования т.н. нищенствующих монашеских орденов в Католической Церкви – францисканцев, доминиканцев, кармелитов и августинцев, которые возникли на Западе немногим ранее, в XIII в. В этих монашеских сообществах, напротив, материальной основой их существования, закреплённой в орденском уставе, являлся сбор милостыни, осуществляемой монахами среди паствы в миру.

Время, когда в Троицком монастыре был введен общежительный устав, точно не известно. В житии прп. Сергия говорится: «Въ един же убо от днии придошя гръкы от Констандина града и поклонишяся святому, глаголюще: «патриарх Вселенский архиепископъ Коньстандина града кир Филофеи благословляет тя». Вькупе же и поминкы от патриарха давше ему – крестъ и парамандъ и схыму, давше же ему и грамоту патриаршу»²³. Получив благословение Константинопольского Патриарха Филофея Коккина, игумен Сергий

²⁰ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. С. 330.

²¹ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. С. 333.

²² Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. С. 333.

²³ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. С. 362.

известил братию, что «патриарх Константина града и повелевает нам обще житие жити, тако же и митрополит Алексие»²⁴. Игумен спросил братию: «Вы же что съвещаете о том?». Монахи, подготовленные предшествующими годами постепенного привыкания к основам общего жития, ответили Сергию согласием на введение в Троицком монастыре общежительного устава.

Относительно датировки указанных событий, можно привести следующие соображения. Поскольку св. Алексий стал митрополитом Киевским и всея Руси в 1354 г. и к моменту поставления преп. Сергия на игуменство еще находился в Византии, благословение Патриарха Филофея, скорее всего, не могло быть получено в период первого патриаршества Филофея, в 1353–1354 гг. Следовательно, это должно было произойти уже после того, как Филофей вторично стал Патриархом, в 1364–1376 гг., хотя можно допустить, что Патриарх Филофей и митрополит Алексий могли обсуждать вопрос о реформе монашеской жизни в Троицкой обители еще при поставлении Алексия на митрополию. В пользу этой более ранней датировки может свидетельствовать и тот факт, что незадолго до того, как св. Алексий был поставлен Филофеем на митрополию в 1354 г., в Константинопольской Церкви в 1351 г. состоялся Собор, который подвел итог исихастским спорам 1340-х – 1350-х гг. и подтвердил истинность учения свт. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского. По сути, это было торжество афонской монашеской традиции, и возрождение общежительного устава в Русской Церкви было тесно связано с этими событиями, происходившими в Византии.

И все же более вероятным представляется введение общежительного устава в Троицкой обители после 1364 г. Показательна хронологическая близость к этой дате еще одного события, важного для дальнейшего развития монашеской жизни на Руси: в 1365 г. св. Алексий основал в Московском Кремле Чудов монастырь, который также стал общежительным. Б.М. Клосс склонен считать данное событие началом монастырской реформы, направленной на возрождение общежительного устава в русских обителях, а ее инициативу всецелом связывает с митрополитом Алексием. В подтверждение своей точки зрения исследователь приводит, прежде всего, тот факт, что все монастыри, в которых ранее других было введено общее житие, находились на территории митрополичьей области, к которой при св. Алексии был присоединен Нижний Новгород. Помимо Троице-Сергиева и Чудова, это также Спасо-Андроников (основан учеником преп. Сергия преп. Андроником Московским в начале 1360-х гг.),

²⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. С. 363.

Симонов (основан в 1370-е гг. учеником и родным племянником преп. Сергия св. Феодором, впоследствии – архиепископом Ростовским) и Высоко-Петровский монастыри (получил общежительный устав при св. Алексии) в Москве, Владычный Введенский (основан в 1362 г.) и Высоцкий Зачатьевский (основан в 1374 г. преп. Сергием Радонежским и его учеником преп. Афанасием Высоцким) монастыри в Серпухове, Константино-Еленинский во Владимире, Никольский на Болоте в Переяславле-Залесском (упоминается как общежительный в 1377 г.), нижегородские монастыри: Зачатьевский (основан в 1367 г.), Благовещенский (основан в 1370 г., во время пребывания в Нижнем Новгороде св. митрополита Алексия), Вознесенский Печерский, а также Троицкий Стефанов Махрищский и Благовещенский Киржачский²⁵.

Движение, направленное на возобновление общежительного монашества, охватило и женские обители. Так, в 1367 (или 1377 г.) св. митрополит Алексий основал в честь своего небесного покровителя женский Алексеевский монастырь в Москве. Ставшая в нем игуменией сестра митрополита Иулиания (иначе Ульяна; ум. в 1393 г.) в летописи именуется: «общему житью женскому начальница»²⁶.

Огромным было влияние преп. Сергия и на тех, кто жил в миру – смиренный Радонежский подвижник стал непререкаемым авторитетом для своих современников и последующих поколений русских людей. «Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера»²⁷, – писал о силе духовно-нравственного воздействия преп.

²⁵ Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 60.

²⁶ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 442.

²⁷ *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 106.

Сергия Радонежского на своих современников выдающийся русский историк В.О. Ключевский.

Благотворное влияние Сергия распространилось в том числе и на русских князей. Одним своим словом он мог остановить усобицу, примирить враждующих соперников, побудить их осознать свою неправоту. Сергей всегда поддерживал политический курс Московских князей, и это обстоятельство существенно повлияло на то, что по всей Русской земле на Москву стали смотреть как на безусловно-го лидера в деле объединения Руси и борьбы с ненавистным ордынским игом. Особо значимой была моральная поддержка, которую преп. Сергей Радонежский оказал св. великому князю Димитрию Ивановичу Донскому²⁸. Наиболее ярко это проявилось в канун знаменитой Куликовской битвы, когда игумен Сергей благословил прибывшего к нему в Троицкий монастырь великого князя Димитрия на брань с Мамаевой Ордой²⁹.

Со времени создания около 1507-1518 гг. епископом Коломенским Митрофаном «Сказания о Мамаевом побоище» в древнерусской литературе утвердилось предание о том, что преп. Сергей Радонежский не только благословил великого князя Димитрия на Куликовскую битву, но отправил с ним на брань двух иноков – Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Они также упоминаются в знаменитой «Задонщине»³⁰. Согласно церковным канонам, монахам, как и священнослужителям, не позволено брать в руки оружие и принимать участие в боевых действиях. Однако древнее предание, зафиксированное в «Сказании о Мамаевом побоище», говорит, что Пересвет и Ослябя, в прошлом являвшиеся брянскими боярами и военачальниками (возможно, они были братьями или близкими родственниками), приняли непосредственное участие в Куликовской битве.

Можно предположить, что иноки Троицкого монастыря были направлены преп. Сергием в русские полки, идущие на Куликово поле, в качестве моральной поддержки, как зримое свидетельство благословения Радонежского игумена, посылаемого им князю Димитрию и всем русским воинам. Но обстоятельства, сложившиеся в канун сражения, вероятно, вынудили Пересвета, в прошлом

²⁸ Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990.

²⁹ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. С. 403-405.

³⁰ Различные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» приводятся в издании: Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б.А. Рыбакова и В.А. Кучкина. СПб, 1998.

опытного воина, нарушить каноны и традиции православного монашества и вопреки им взяться за оружие. Согласно преданию, отраженному в «Сказании о Мамаевом побоище», перед Куликовским сражением ордынский воин-богатырь Челубей (иначе Темир-Мирза или Таврул), отличавшийся огромной силой, вызывал по традиции на единоборство кого-либо из русских воинов: этот поединок должен был положить начало сражению на Куликовом поле. Возможно, вызов ордынского силача вызвал замешательство в рядах русских воинов, где ему не нашлось равного по силам противника. Понимая, что это грозит падением морального духа русского воинства и стремясь этого не допустить, Пересвет принял вызов ордынца и вступил в единоборство с ним, закончившееся гибелью обоих³¹. После Куликовской битвы тело героя Пересвета было доставлено в Москву и погребено рядом с храмом Рождества Богородицы в Старом Симонове³².

Ослябя, в отличие от Пересвета, остался жив после Куликовской битвы, хотя и потерял в ней своего сына Якова. Ослябя упоминается в 1390-е гг. как один из митрополичьих бояр при св. Киприане. По мнению А.В. Кузьмина, ко времени Куликовской битвы Ослябя еще не был монахом (хотя, возможно, являлся послушником Троицкой обители), а постригся в монашество с именем Андрей уже в 1380-е гг. в Симоновом монастыре³³. Эта обитель, как уже отмечалось, была близка к кругу преп. Сергия Радонежского: первым ее игуменом был родной племянник Радонежского игумена св. Феодор, будущий архиепископ Ростовский. Кроме того, Ослябя мог избрать Симонов монастырь местом своего пострига и по той причине, что здесь был погребен его друг Пересвет. Его сын Яков также, скорее всего, был похоронен в Симонове. Здесь же после кончины был похоронен и сам Ослябя.

После Куликовской битвы авторитет преп. Сергия Радонежского в глазах великого князя св. Дмитрия Донского и других русских князей возрос еще более. Это, в частности, наглядно прояви-

³¹ «Задонщина» иначе рисует участие Пересвета в Куликовской битве, отмечая, что он погиб не в поединке перед сражением, а позднее, уже во время самой битвы.

³² На этом месте первоначально был основан Симонов монастырь, позднее перенесенный на новое, более удобное место неподалеку от прежнего.

³³ Кузьмин А.В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Сборник статей: в 2 тт. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 5-29.

лось в событиях конца 1385 г., когда преп. Сергей по просьбе великого князя Димитрия прибыл в Рязань: благодаря его посреднической миссии был заключен мир и союз между Димитрием Донским и рязанским князем Олегом Ивановичем. В еще большей степени роль Радонежского игумена как ведущего духовного арбитра в политической жизни Руси проявилась, когда в 1389 г. великий князь Димитрий Иванович пригласил его выступить в качестве своего душеприказчика и скрепить своей подписью духовное завещание героя Куликовской битвы, впервые содержавшее указания на случай распада Золотой Орды и прекращения ее ига на Руси.

Скончался один из величайших преподобных Русской Церкви в глубокой старости 25 сентября (8 октября по н. ст.) 1392 г. Почитание преп. Сергия Радонежского началось вскоре после его кончины, хотя и не носило еще тогда официального характера. Тем не менее, уже в 1427 г. на родине Радонежского чудотворца, в с. Варницы близ Ростова Великого, был основан Троице-Сергиев Варницкий монастырь. Вероятно, какого-либо специального соборного акта о канонизации преп. Сергия не было предпринято (либо об этом не сохранилось документальных свидетельств). Возможно, это произошло по причине разрыва отношений с Константинополем после принятия греками Флорентийской унии: в Русской Церкви тогда возникло немало трудностей канонического порядка, вызванных переходом к автокефалии. Тем не менее, с середины XV в. уже можно говорить об устойчивой традиции общерусского почитания преп. Сергия Радонежского, санкционированного митрополитом Киевским и всея Руси св. Ионой.

В рамках начатой св. митрополитом Киевским и всея Руси Алексием реформы русского монашества введение игуменом Сергием общежительного устава в Троицком монастыре имело колоссальное значение для дальнейших судеб русского монашества. «Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет 1240-1340 гг. возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340-1440 гг., когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходить в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покидать мир уси-

ливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. ...Преподобный Сергий со своею обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, “начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси”, как называет его летописец. Колонии Сергиевской обители, монастыри, основанные учениками преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей»³⁴, – писал о роли св. Сергия в русской духовной жизни В.О. Ключевский.

Благодаря огромному духовному авторитету, который приобрел Радонежский подвижник, по всей Руси не только было основано множество других общежительных монастырей, но и введен общежительный устав в ранее существовавших особножительных обителях (например, в московском Высоко-Петровском и многих других). В результате принятия этих мер во второй половине XIV в. полностью изменяется характер монастырской жизни на Руси. Общежительный устав для большинства монастырей Северо-Восточной Руси становится нормой. Правда, гораздо сложнее обстояли дела с его введением в Новгородской епархии: здесь еще в начале XVI в. преобладали особножительные монастыри, внедрение общежительного устава в которых начал в 1520-е гг. архиепископ Новгородский св. Макарий, будущий митрополит Московский и всея Руси. Фактическое отстранение Литовскими князьями св. митрополита Алексия от управления западнорусскими епархиями сделало почти невозможным распространение на них монастырской реформы.

Говоря о переменах, происшедших в монашеской жизни во второй половине XIV в., следует отметить, что на Руси не только появилось множество новых монастырей, в которых был принят общежительный устав, но в сравнении с домонгольской эпохой существенно изменились характер расположения обителей и их география. Если прежде преобладающими были городские монастыри, то со времени Сергия Радонежского в русской Церкви стали доминировать обители, расположенные в удалении (иногда весьма значительном) от городов. Многие монастыри вообще располагались в труднодоступной местности – в лесах, на озерных или речных островах или посреди болот. Это вполне естественно, так как

³⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 103-104.

главными чертой монашеской жизни, переживавшей в это время подъем и ставшей гораздо более сознательной, стало усугубление молитвенного подвига в сочетании с аскетической практикой, для чего монахам необходимо было уединение вдали от мирской суеты и соблазнов. Еще одной важнейшей особенностью монастырей этого времени было то, что теперь их чаще всего основывали не ктиторы из числа представителей социальной элиты русского общества, а сами монахи-подвижники.

Сама монастырская жизни в это время принимает характер некоего цикла. Инок, начавший свой подвиг в общежительном монастыре, в дальнейшем, по мере духовного возрастания и приобретения опыта, переходил к отшельничеству и пребыванию в «пустынном» безмолвии. Затем к такому достигшему духовного совершенства старцу начинали собираться ученики, ищущие назидания и руководства, и вчерашний отшельник становился духовным наставником для собравшейся вокруг него новой братии и почти всегда – устроителем нового монастыря на месте своего первоначального отшельнического подвига.

В ряде случаев один и тот же подвижник мог многократно удаляться в «пустынь» из новосозданного монастыря, тем самым полагая начало новым обителям. Так, например, сам преп. Сергей Радонежский, покинувший Троицкий монастырь после конфликта с братом Стефаном, отошел на другое пустынное место и тем самым положил начало новой обители – Киржачскому Благовещенскому монастырю. Таким образом, можно утверждать, что преп. Сергей в равной степени дал импульс как созданию общежительных монастырей, так и молитвенно-созерцательной, преимущественно отшельнической традиции.

Явленный преп. Сергием пример вдохновил на подражание ему множество учеников и соратников-друзей (в агиографической литературе они получили наименование «собеседников») Радонежского игумена. В свою очередь, их примеру последовали десятки и сотни иных подвижников, ищущих духовного совершенства на монашеской стезе, которые разошлись по глухим и наименее обжитым уголкам Руси в поисках «священного безмолвия». При этом отшельнический порыв подвижников Сергиева круга находил себе соответствие в процессе освоения новых земель на Русском Севере, где под пашню вырубались лесные пространства, прокладывались новые дороги в доселе непроходимых местах, разрабатывались соляные промыслы. Близ монастырей, возникавших вокруг бывшего отшельника, становившегося наставником для братии из пришедших к нему многочисленных учеников, селились и крестьяне, обра-

зovyивавшие новые поселения. Так монастырская и крестьянская колонизация способствовали освоению бескрайних просторов Русского Севера и укреплению здесь политического и культурного влияния Русского государства.

Помимо ранее уже упоминавшихся учеников преп. Сергия Радонежского, основавших новые обители в различных безлюдных в ту пору уголках Руси, следует также назвать имена наиболее известных подвижников, вышедших из-под начала Радонежского игумена. Практически все они, покинув своего великого учителя, какое-то время вели отшельнический образ жизни, а потом положили начало новым общежительным монастырям. Преп. Савва Стoroжевский, один из наиболее близких учеников преп. Сергия, некоторое время управлял Троице-Сергиевым монастырем в качестве игумена, а затем в 1398 г. основал свой Богородице-Рождественский Саввино-Стoroжевский монастырь близ Звенигорода. Преп. Мефодий Пешношский основал в 1361 г. Николо-Пешношский монастырь неподалеку от города Дмитрова (ныне – север Московской области). Преп. Авраамий Чухломский (или Галичский, Городецкий) основал 4 монастыря в местности между Галичским и Чухломским озерами в Костромском крае, из которых до наших дней сохранился Покровский Авраамиев Городецкий монастырь близ города Чухломы (ныне – Костромская область). Преп. Иаков Железноборский, основал Иоанно-Предтеческий Иаково-Железноборовский монастырь (Буйский район Костромской области). Преп. Павел Обнорский (или Комельский), бывший келейник преп. Сергия, основал в 1414 г. Троицкий Павло-Обнорский монастырь (Грязовецкий район Вологодской области). Преп. Сергей Нуромский, грек по происхождению, приехавший на Русь с Афона и ставший учеником аввы Сергия, основал в 1387 г. на реке Нурме Спасо-Нуромский монастырь (упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г., Вологодская область). Преп. Сильвестр Обнорский основал Воскресенский монастырь на р. Обноре (упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г., Любимский район Ярославской области). Преп. Феодосий и Афанасий Череповецкие основали Воскресенский монастырь в городе Череповце (упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г., ныне – Вологодская область). Преп. Ксенофонт Тутанский основал на рубеже XIV-XV вв. Тутанский Вознесенский монастырь на р. Тъме (Тверская область; в XVIII в. был приписан к Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавре и фактически упразднен). Один из учеников преп. Сергия Радонежского – преп. Ферапонт Боровенский, в отличие от других иноков, предпочел искать безмолвное место не на севере, а к юго-западу от

родного Троицкого монастыря: он основал свой Успенский Боровенский монастырь в 10 верстах от города Мосальска (упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г.; ныне – Калужская область).

В то же время были среди основанных преп. Сергием и его учениками монастырей и такие, которые сочетали ктиторийский характер своего основания с общежительным уставом, вводимым в них после их учреждения. Так, преп. Леонтий Стромьинский явился строителем Стромьинского (или Дубенского) Успенского монастыря на р. Дубенке, основанного преп. Сергием по просьбе великого князя Дмитрия Ивановича около 1378 г. в 50 верстах к северо-востоку от Москвы (упразднен в древности). Еще один Дубенский монастырь, также посвященный Успению Божией Матери, был основан преп. Сергием тоже по просьбе великого князя Дмитрия Донского, но уже после Куликовской битвы – в знак благодарности Богу за дарованную победу над Мамаем. Обитель (также упразднена в древности) находилась на севере нынешней Московской области, на острове при месте слияния рек Дубенки и Дубны. Игуменом монастыря стал еще один ученик преп. Сергия – преп. Савва. Вероятно, сходный характер имели и Богоявленский монастырь в Костроме, основанный преп. Никитой Костромским, учеником и родственником преп. Сергия, и Старо-Голутвин монастырь в Коломне, первым игуменом которого был другой Сергиев ученик – преп. Григорий Голутвинский.

Движение в русском монашестве, направленное на введение общежительного устава в монастырях, быстро распространялось за пределы Московского княжества и земель великокняжеского дома. Этому немало способствовало то обстоятельство, что в различных местах подвизались иноки, которых, как уже отмечалось, условно называли на Руси «собеседниками» преп. Сергия Радонежского. Это были единомысленные Радонежскому игумену лица, смотревшие на будущее русского монашества сходным образом и также стремившиеся возобновить на Руси общежитие и укрепить традиции византийского исихазма.

В числе «собеседников» преп. Сергия был, в частности, архиепископ Суздальский Дионисий (впоследствии – митрополит Киевский и всея Руси; ум. в 1385 г.). По преданию, Дионисий (в миру Давид) был постриженником Киево-Печерского монастыря и в подражание ему основал общежительный Вознесенский Печерский монастырь в Нижнем Новгороде. Сообщая о поставлении Печерского архимандрита Дионисия в 1374 г. на Суздальскую кафедру, летописец характеризует его как «...изящна в Божественных писаниих, учителна и книгам сказателя, монастырем строителя и

мнишьскому житию наставника... общему житию начальника»³⁵. Св. Дионисий также способствовал созданию на общежительных началах женской обители в Нижнем Новгороде: Зачатьевский монастырь здесь был основан Василисой (в постриге Феодорой), вдовой Нижегородского князя Андрея Константиновича. Ученик Дионисия, преп. Евфимий Суздальский основал общежительный Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале. Другой ученик и келейник Дионисия, преп. Макарий Унженский основал два монастыря – Макарьев Желтоводский (на берегу Волги, в Нижегородской области) и Макарьев Унженский (на р. Унже, в Костромской области). Известно, что еще 11 насельников нижегородского Печерского монастыря были посланы св. Дионисием в «верховские города», чтобы основать там новые общежительные обители³⁶.

Друг и «собеседник» преп. Сергия, преп. Стефан Махрицкий, выходец из Киева, перебравшийся в пределы Московского княжества, основал свой Троицкий Стефанов Махрицкий монастырь неподалеку от Троице-Сергиевой обители, которая послужила для него образцом, в том числе и в ее посвящении Троице Живоначальной. Также Троице посвятили свой Авнежский монастырь в Вологодском крае ушедшие туда ученики преп. Стефана – преп. Григорий и Кассиан Авнежские, погибшие в конце XIV в. от рук разбойников, надеявшихся пожить монастырским имуществом (показательно, что крестьяне из соседних с монастырем поселений, изловили и казнили святотатцев)³⁷. Еще одну обитель в честь Пресвятой Троицы – Троице-Сыпанов Пахомиев монастырь – основал близ города Нерехты (ныне в Костромской области) другой «собеседник» преп. Сергия преп. Пахомий Нерехтский (обитель, упраздненная в числе многих других в 1764 г. по указу о секуляризации, изданному Екатериной II, была обращена в приходской храм, но вновь стала действующим монастырем уже в конце XX в.).

Во второй половине XIV – первой половине XV в. активно шел процесс образования новых монастырей в Вологодском крае, который в это же время подвергается интенсивной крестьянской колонизации, и где идет освоение новых земель. Одним из первых подвижников в этом крае стал преп. Димитрий Прилуцкий, также бывший «собеседником» преп. Сергия Радонежского. Первона-

³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 105-106.

³⁶ *Флоря Б.Н., Печников М.В., Преображенский А.С.* Дионисий, архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241-246.

³⁷ *Кузьмин А.В., Романенко Е.В., Виноградова Е.А.* Григорий и Кассиан Авнежские // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 721-724.

чальным местом его подвигов были окрестности Переяславля-Залесского, где св. Димитрий основал Никольский монастырь «На болоте». По образцу Троице-Сергиевой обители здесь также был введен общежительный устав. Позднее в поисках безмолвия Димитрий ушел на север. В 40 верстах к юго-востоку от Вологды он основал Воскресенский монастырь на берегу р. Великой. Однако преподобный был вынужден покинуть и это место по причине недовольства местных жителей. Подобного рода инциденты иногда имели место в истории русского монашества, однако, вопреки утверждениям историков советского периода, никогда не носили массового характера. Напротив, куда более частым явлением было мирное существование крестьянских поселений близости от монастырей. Позднее, с возникновением в общежительных монастырях землевладения, обычным явлением стало массовое переселение крестьян на монастырские земли, где они не подвергались такой интенсивной эксплуатации, как в вотчинах светских феодалов-землевладельцев. Новой обителью, основанной преп. Димитрием Прилуцким, стал Спасо-Прилуцкий Димитриев монастырь неподалеку от Вологды, где преподобный и скончался в 1392 г. В этом монастыре отношения иноков с крестьянами отличались особым взаимовыгодным сотрудничеством. Само место для новой обители предоставили преп. Димитрию местные жители, которые также помогли построить первый деревянный монастырский храм. Позднее, в XV в., Спасо-Прилуцкий монастырь приобретал пустоши, а также лесные и рыбные угодья, которые затем обживали и обрабатывали монастырские крестьяне³⁸.

Еще одним крупнейшим центром, откуда шел поток монастырской колонизации Русского севера, был Кириллов Белозерский Успенский монастырь, основанный преп. Кириллом Белозерским, также считающимся младшим другом и «собеседником» преп. Сергия³⁹. Кирилл, происходивший из знаменитого московского боярского рода Вельяминовых, принял постриг в московском Симоновом монастыре, где он неоднократно встречался и беседовал с приходившим в Москву Радонежским игуменом и воспринял многое из

³⁸ *Семячко С.А., Анишина А.П.* Димитрий Прилуцкий // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 30-39; *Анишина А.П.* Димитриев Прилуцкий в честь Всемилоственного Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня мужской монастырь // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 712-719.

³⁹ *Карбасова Т.Б., Романенко Е.В., Шibaев М.А., Зеленина Я.Э., Виноградов Е.А.* Кирилл Белозерский // ПЭ. Т. 34. М., 2014. С. 318-338; *Шibaев М.А., Берташ А. свящ., Маханько М.А.* Кириллов Белозерский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // ПЭ. Т. 34. М., 2014. С. 634-673.

взглядов Сергия на монашескую жизнь. Вместе с другим пострижеником Симоновой обители, преп. Ферапонтом, преп. Кирилл в поисках уединенного места для молитвенно-аскетических подвигов ушел на Север, в район Белого озера. Там в 1397 г. Кирилл основал свой Кирилло-Белозерский монастырь, а его друг Ферапонт, отделившийся от него в 1398 г., положил начало Ферапонтову Белозерскому монастырю в честь Рождества Богородицы. Позднее, в 1408 г., по приглашению удельного можайского князя Андрея Дмитриевича, сына св. Димитрия Донского, преподобный Ферапонт переехал в Можайск, в окрестностях которого основал Можайский Ферапонтов Лужецкий монастырь.

Ученики и сподвижники преп. Кирилла и Ферапонта Белозерских активно включились в процесс монастырской колонизации Русского Севера. Среди основанных ими обителей следует отметить Никитский Белозерский монастырь на р. Шексне и Благовещенский Ворбозомский монастырь, основанный преп. Зосимой на Ворбозомском озере. Игумен Ферапонтова монастыря преп. Мартиниан положил начало Вожеозерскому монастырю, продвинув далеко на север ареал монастырской колонизации. Но еще большее значение для освоения Русского севера иноками имело основание Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря на островах в Белом море. Обитель была основана после 1426 г. преподобными Савватием, Германом и Зосимой Соловецкими. Преп. Савватий, который дал первоначальный импульс монашеской жизни на Соловках, впоследствии подхваченный и развитый преп. Зосимой, происходил из Кириллова Белозерского монастыря и был учеником преп. Кирилла. Таким образом, опосредованно общежительная традиция Троице-Сергиева монастыря была донесена до русского Беломорья, населенного поморами. Соловецкий монастырь в дальнейшем играл ведущую роль как в церковной, так и в общественно-политической, экономической и культурной жизни Русского севера, способствуя активному освоению Беломорского края, Поморского, Корельского, Терского берегов Белого моря. Строгие монашеские традиции Соловецкая обитель сохраняла даже в XVI в., когда в большинстве других русских монастырей уже были заметны черты духовного упадка.

Среди других монастырей, возникших на севере Руси в XV в., следует отметить ряд обителей в бассейне Северной Двины: Михаило-Архангельский монастырь, поселение близ которого впоследствии дало начало городу Архангельску, а также Николо-Корельский монастырь в устье Северной Двины, близ которого позднее вырос город Северодвинск, и Никольский Чухченемский монастырь.

Еще одним крупным центром монастырской жизни, который оказал большое влияние на монастырскую колонизацию Русского севера, был Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, в 45 верстах к северу от Вологды, известный с XV в., хотя предание относит его основание к XIII в. Постриженники Спасо-Каменного монастыря преподобные Дионисий Глушицкий и Александр Куштский основали несколько новых монастырей в лесах вокруг Кубенского озера: Святолуцкий, Глушицкий Покровский, Глушицкий Леонтиев, Глушицкий Дионисиев, Успенский Александров Куштский, Липатов Пельшемский и др. (большинство их было упразднено при секуляризации в 1764 г.) Известно, что преп. Дионисий Глушицкий был связан узами дружбы и духовной близости с преп. Кириллом Белозерским (сохранилась икона преп. Кирилла, написанная как его прижизненный портрет преп. Дионисием, который являлся талантливым иконописцем)⁴⁰. От основателя Кирилло-Белозерского монастыря Дионисий Глушицкий, вероятно, и воспринял многое из того комплекса воззрений на монашескую жизнь, который был характерен для подвижников круга преп. Сергия Радонежского.

Многочисленные пустыни, первоначально основанные монахами-отшельниками в северных областях Руси в XIV-XV вв. и позднее во многих случаях давшие начало крупным монастырям, постриженники которых, в свою очередь, основали многие новые обители, дали основание образно назвать Русский север «Северной Фиваидой» – по аналогии с местностью в Египте, изобиловавшей подвижниками монашеской жизни на заре ее возникновения, в IV-V вв. «Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV в. возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской церкви и русской народности»⁴¹, – отмечал В.О. Ключевский.

Трудно точно подсчитать, сколько новых монастырей возникло на Руси после того, как начался бурный процесс возрождения монашеской жизни, инициированный преп. Сергием Радонежским. Митрополит Макарий (Булгаков) полагал, что во второй половине XIII – первой половине XV в. всего было основано 286 но-

⁴⁰ Семячко С.А., Печников М.В., Петрова Т.Г. Дионисий Глушицкий, преп. // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 249-256.

⁴¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 104.

вых монастырей⁴². При этом исследователь отмечал, что большинство этих обителей были невелики, имея в числе братии не более 10 монахов, и лишь в 10 монастырях количество иноков было от 20 до 50. В числе монастырей с количеством монахов свыше 50, Макарий называет 10 обителей. Однако лишь два из них относятся к основанным в XIV – начале XV вв. – Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский. Но численность братии в них ощутимо возросла лишь в XVI в.: в начале столетия – до 300 иноков, а в конце – до 700. Прочие же крупные монастыри принадлежат к числу основанных (или возобновленных, как основанный в XIII в. Антониев Дымский монастырь) только во второй половине XV – XVI вв. (т.е. ко времени, когда пик расцвета монашеской жизни уже был пройден): Пафнутьев Боровский (до 95 иноков), Иосифов Волоколамский (100-130), Переяславль-Залесский Троицкий Данилов (55–70), Троицкий Герасимов Болдинский (до 140), Александров Свирский (59-86), Корнильев Комельский (до 90), Антониев Сийский (до 73), Антониев Дымский (до 55).

Несмотря на очевидную неполноту и известную степень случайности приведенных данных, они рисуют определенную общую тенденцию – во времена «золотого века» русского монашества – во второй половине XIV – XV вв. – древнерусские монастыри не имели многочисленной братии. Это совершенно закономерно: в условиях строгой и нелицемерной аскезы лишь немногие иноки были способны понести тяжесть монашеского подвига во всей его полноте, а с теми, кто был неспособен выдержать иску в полной мере, приходилось расставаться. Таким образом, вокруг великих подвижников «золотого века» собирались лишь самые достойные и преданные ученики, способные продолжить традицию своего аввы. Позднее, с конца XV в., когда в монастырской жизни стали наблюдаться первые черты расслабленности и упадка, снижение уровня требований к инокам, как следствие, стало приводить к тому, что в монастырях стало расти количество иноков. Однако их духовный уровень, к сожалению, был уже не столь высоким, как в предшествующую эпоху.

В связи с грандиозными по своему масштабу переменами, происшедшими в монашеской жизни благодаря трудам св. митрополита Алексия и преп. Сергия Радонежского, в Русской Церкви возникла необходимость регламентировать эти изменения и закрепить их в уставе. По этой причине в конце XIV – начале XV в. на Руси получает распространение монастырский Иерусалимский Сав-

⁴² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 649-662; Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 339.

ваитский устав, который более, чем Студийский, существовавший с домонгольского времени, соответствовал специфике общежительных монастырей. Одновременно среди части русского монашества, тяготевшего к более уединенной и безмолвной жизни, получает известность и Скитский устав, предназначенный для жизни в скитах или небольших уединенных пустынях, рассчитанных на нескольких иноков. Переход русского монашества со Студийского на Иерусалимский устав находился в тесной связи с переменами, которые в это же самое время происходили в богослужбной жизни Русской Церкви и также были связаны с приоритетом, который в этой сфере стали отдавать Иерусалимской литургической традиции.

Источники и литература:

1. *Анишина А. П.* Димитриев Прилуцкий в честь Всемилоственного Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня мужской монастырь // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 712-719.
2. *Карбасова Т. Б., Романенко Е. В., Шиббаев М. А., Зеленина Я. Э., Виноградов Е. А.* Кирилл Белозерский // ПЭ. Т. 34. М., 2014. С. 318-338.
3. *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
4. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. М.: Правда, 1991.
5. *Кузьмин А. В.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Сборник статей: в 2 тт. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2002.
6. *Кузьмин А. В., Романенко Е. В., Виноградова Е. А.* Григорий и Кассиан Авнежские // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 721-724.
7. *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990.
8. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995.
9. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996.
10. Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки. М., 2002.
11. Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. А. Кучкина. СПб, 1998.
12. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
13. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1.

-
14. *Семячко С. А., Анишина А. П.* Димитрий Прилуцкий // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 30-39.
 15. *Семячко С. А., Печников М. В., Петрова Т. Г.* Дионисий Глушицкий преп. // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 249-256.
 16. *Трубецкой Е. Н.* Умозрение в красках / Три очерка о русской иконе. Париж: YMCA Press, 1965.
 17. *Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С.* Дионисий, архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241-246.
 18. *Шибяев М.А., Берташ А., свящ., Маханько М. А.* Кириллов Белозерский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // ПЭ. Т. 34. М., 2014. С. 634-673.